

ФЕМИНИТИВЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Е.А. Захарчук

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: elena_nezhura@mail.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена проблеме выбора антрополексем мужского или женского рода для номинации женщины в процессе речевой деятельности. В русском языке с древнейших времён существуют феминитивы – особые женские формы для многих существительных, в том числе для слов, называющих род занятий человека. Тем не менее в настоящий момент предпочитаемым вариантом для описания трудовой деятельности женщины зачастую является существительное мужского рода. В работе приведены результаты пилотажного экспериментального исследования, которые подтверждают доминирование мужских форм антрополексем, называющих профессии. Сравнение употребления феминитивов мужчинами и женщинами, а также частотности их использования в позитивном и негативном контекстах позволяет сделать некоторые выводы о возможных коннотативных значениях некоторых из таких лексем.

***Ключевые слова:** феминитивы, гендерная лингвистика, феминистская лингвистика, антрополексемы, языковой андроцентризм, эксперимент, опрос.*

В современном дискурсе функционирование феминитивов является одной из актуальных проблем: несмотря на наличие достаточно обширного пласта антрополексем, использующихся для номинации женщин на протяжении многих десятилетий и даже веков, горячие споры вызывает как образование феминитивов-неологизмов, так и употребление подобных слов в различных стилях речи. И наивные носители языка, и учёные-лингвисты нередко задаются вопросом о том, как правильнее и красивее говорить и писать о женщинах: *программистка* или *программист*? Грамотная *специалистка* или грамотный *специалист*? Выбор той или иной лексемы в каждой ситуации обусловлен рядом факторов как постоянного, так и переменного характера. В статье представлен обзор параметров, детерминирующих выбор лексемы из пары «феминитив – маскулятив» (в данном случае термин «маскулятив» введён нами для обозначения общеупотребительного существительного мужского рода в противовес феминитиву – Прим. авт.). Далее приводятся результаты пилотажного исследования, целью которого стало выявление предпочтений носителей русского языка при

выборе единицы либо мужского, либо женского рода из пар антрополоксем, где феминитив существует достаточно давно и закреплён как норма в словарях, для номинации женщины.

При рассмотрении параметров, влияющих на выбор тех или иных языковых единиц в конкретной речевой ситуации, принято выделять лингвистические и экстралингвистические факторы. Современная наука о языке склонна трактовать внутренний лексикон человека как динамическую систему, в которой каждая единица «записана с инструкцией её использования, с данными о её оперативных возможностях... по всем мыслимым линиям её употребления – прагматическим, семантическим, чисто формальным» [Кубрякова 2004: 369]. При этом человек выступает как субъект коммуникации, как «высшая системная целостность всех индивидуальных сложнейших и противоречивых качеств, его сознания и бессознательного, обеспечивающая... его авторскую и преобразующую позицию к себе и окружающей действительности» [Рябова 2008: 50]. Соответственно, в центре акта речепорождения оказывается человек с его знаниями о мире и о языке, опытом, системой ценностей, мотивов и психологических установок, но этот человек находится не «в вакууме», а в конкретной ситуации и с определёнными коммуникантами, «играет» по некоторым установленным «правилам».

Прежде всего, нельзя недооценивать роль *лингвистического микро- и макроконтраста* в выборе лексической единицы для построения высказывания. Языковое окружение (как в лексическом, так и в синтаксическом плане) может детерминировать предпочтение адресантом той или иной лексемы для выражения своего коммуникативного намерения. Несмотря на критику принципа композициональности, необходимо учитывать особые языковые механизмы, согласно которым отдельные слова с их значениями соединяются в более крупные семантические комплексы на основе синтаксиса предложения: хотя и не представляется возможным сравнивать построение предложения с детским конструктором, лексемы всё же объединяются в единое целое на основе некоторого набора правил [Богуславский 1996].

При описании *ситуативного (экстралингвистического) контекста* надлежит принимать во внимание окружающую обстановку, время и место, к которому относится высказывание. Понимая и воспринимая окружающий мир, человек выделяет наиболее значимые для себя и своей среды обитания аспекты действительности, при этом функционирование, преобразование и применение языковой картины мира происходит в рамках сложного комплекса условий жизни и деятельности «здесь и сейчас» [Лебедева 2021]. Характеризуя речевое взаимодействие между людьми, учёные говорят о знаковой ситуации, в которую наряду с самими субъектами общения, а также языковыми и знаково-символическими

средствами коммуникации принято включать условия, в которых происходит данное взаимодействие: ситуативный контекст и речевой контекст (который в данном случае рассматривается как уже состоявшаяся часть вербального общения, которая может влиять на форму и содержание последующих сообщений) [Маланов 2020].

В современных про-феминистских медиа нередко высказывается замечание, что в свете общего неприятия феминитивов коммуниканты зачастую склонны употреблять маскулятив как «гендерно-нейтральный» вариант номинации в ситуациях, когда предмет высказывания характеризуется с положительной стороны: *великий учёный М. Кюри, выдающийся писатель А. Кристи*. При этом в случаях, когда характеристика предмета высказывания ярко отрицательная, говорящие «не стесняются» употребить феминитив: *глупая продащица, наглая врачиха*. Подразумевается, что подобным образом достижения женщин в жизни общества принижаются, в то время как недостатки и слабости женского пола подчёркиваются и преувеличиваются. В научной литературе можно встретить мнение, что «значительная часть самих этих феминитивов являются ущемлёнными по сравнению с номинациями мужского рода в стилистическом отношении в силу наличия у них разговорной окраски и сниженной оценочности (*авторка, депутатка, пресс-секретарша*)» [Степанов 2020: 129]. Тем не менее видится необходимым изучить проблему с научной точки зрения как теоретически, так и экспериментально, чтобы подкрепить те или иные выводы анализом конкретных данных, полученных эмпирическим путём.

О том, что «наличие в семантике лексической единицы оценочного компонента» [Сицына-Кудрявцева 2012: 15] влияет на выбор той или иной лексемы из пары слов-аналогов, говорят исследователи, занимающиеся проблематикой заимствованных, разговорных, просторечных, жаргонных, диалектных словарных единиц и их литературных аналогов с идентичной или похожей семантикой. В работах по проблемам номинативно-словообразовательной семантики можно встретить понятие *лингвокультурного потенциала* языковой единицы, который подразумевает способность языковой единицы быть репрезентантом духовной культуры, мировоззрения отдельного человека и даже целой эпохи [Матюнова 2011]. Одним из параметров определения лингвокультурного потенциала слова выступает наличие эмоционально-оценочного элемента в его значении [там же]. Если экстраполировать вышесказанное на феминитивы, рассуждая о значениях данного пласта лексики, то возникает проблема: в классических и современных словарях русского языка о таких словах сказано очень мало и, естественно, коннотации не зафиксированы. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова читаем:

УЧИТЕЛЬНИЦА, ы. Женск. к учитель в 1 знач. У. пения. У. средней школы [Толковый словарь 1935–1940: [http](http://)].

Аналогичные описания приводятся и в других словарях, цитировать которые в данном случае не видится целесообразным. Соответственно, словари дают весьма скудные сведения о значениях феминитивов. Наличие либо отсутствие положительной или отрицательной коннотации у данных слов в основном не зафиксировано и может только предполагаться.

Чтобы выявить, действительно ли коннотация высказывания (позитивная или негативная) способна повлиять на выбор лексической единицы из пары «маскулятив – феминитив», а также проследить, существует ли взаимосвязь между гендером человека и предпочтением им маскулятивов или феминитивов для номинации женщин, нами было проведено пилотажное экспериментальное исследование.

«Цель научного эксперимента – искусственно вызвать явление, подлежащее изучению, с тем чтобы, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно его познать» [Шахнарович 1974: 129]. В нашем случае было решено предоставить испытуемым положительную или отрицательную характеристику некоторых вымышленных персонажей и проследить, есть ли тенденция применять феминитив в негативном контексте среди респондентов в целом, а также у мужчин и женщин в частности.

Исследование было проведено в форме анонимного стандартизированного онлайн-опроса с закрытыми вопросами при помощи инструмента *Google Формы*.

В качестве материала исследования были использованы высказывания, объектом которых выступали женщины. При этом под высказыванием мы подразумеваем не обязательно единичное повествовательное предложение, а принимаем трактовку М.М. Бахтина, который предлагает под высказыванием понимать текст любой длины «от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы», объединённый единым речевым замыслом, выражающий речевую волю говорящего [Бахтин 1979: 257]. Для нашего исследования оптимальными стали высказывания объёмом в два предложения, содержащие позитивную или негативную характеристику личности некой женщины. Испытуемым предлагалось выбрать подходящее, по их мнению, окончание для каждого высказывания. В качестве вариантов для выбора участникам исследования предоставлялась общеупотребительная антрополоксема мужского рода (например, *учитель*) и феминитив (*учительница*).

Отдельное высказывание мы рассматриваем как *речевое действие*, вслед за А.А. Леонтьевым прослеживая его этапы: постановку цели, планирование и осуществление плана, сопоставление цели и результата [Леонтьев 1974]. Говоря об операционной структуре речевого действия, можно выделить звено ориентировки, звено планирования (программирования), реализацию программы в языковом коде; именно при

реализации программы задействуются механизмы выбора слов, а также грамматического прогнозирования, перебора и сопоставления синтаксических вариантов [там же].

В нашем исследовании тема-рематическая организация и синтаксическая структура предъявленных испытуемым предложений в каждом случае были максимально схожими, чтобы минимизировать влияние фактора синтаксического контекста на выбор единицы мужского или женского рода. Каждое высказывание в первом предложении содержало характеристику описываемого лица (ярко позитивную или сугубо негативную). Второе предложение имело структуру, в которой ключевое слово выступало сказуемым (напр., «*Эта женщина – учитель/учительница*»). Участники исследования должны были выбрать из пары «маскулятив – феминитив» ту единицу, которая им виделась более подходящей в данной ситуации. Каждая пара лексем (напр., *учитель – учительница*) задействовалась в опроснике два раза: один раз – в высказывании с позитивной коннотацией, а другой раз – в негативно-окрашенном высказывании. Высказывания, содержащие в качестве ключевого элемента одну и ту же пару лексем, мы старались поместить в разные части опросника, чтобы свести к минимуму прайминг-эффект, то есть изменение способности человека идентифицировать, воспроизводить или классифицировать какой-либо объект в результате предварительного предоставления информации об этом или похожем объекте [Назайкин 2010]. Таким образом, поместив выбранные в качестве материала эксперимента лексемы в сходный синтаксический контекст, мы пытались проследить роль экстралингвистических факторов при выборе лексической единицы мужского или женского рода.

Для анализа нами были выбраны следующие пары лексем:

Учитель / учительница

Продавец / продавщица

Парикмахер / парикмахерша

Специалист / специалистка

Заведующий / заведующая

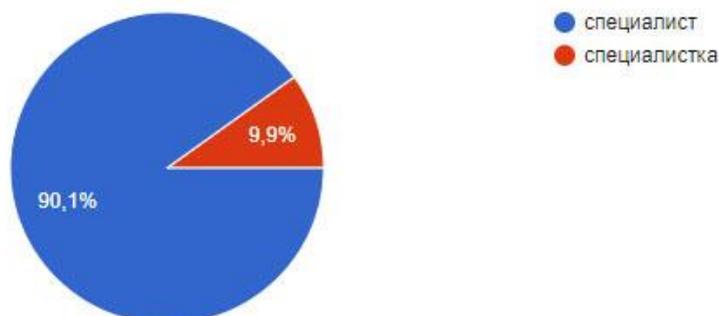
Во всех приведённых выше парах феминитив является широко известным и давно закреплённым в словарях в качестве языковой нормы; данные слова употребляются для указания профессии или описания профессиональных качеств человека. Существуют и другие модели образования феминитивов (*государь – государыня, ткач – ткачиха, стюард – стюардесса*). Однако данные модели менее распространены в современном языке, нередко связаны с устаревшими реалиями, а сами слова, образованные по таким моделям, не всегда функционируют в качестве полноценной пары (так, мужчину-стюарда в наши дни практически невозможно встретить).

Рассмотреть примеры предъявленных испытуемым высказываний и полученных ответов можно на Рисунке 1.

Мария Сергеевна - надежда и опора начальника. По грантам и тендерам она

.....

151 ответ

Алевтина Тухлякова в который раз подвела весь коллектив. По ошибкам в отчётности она

151 ответ

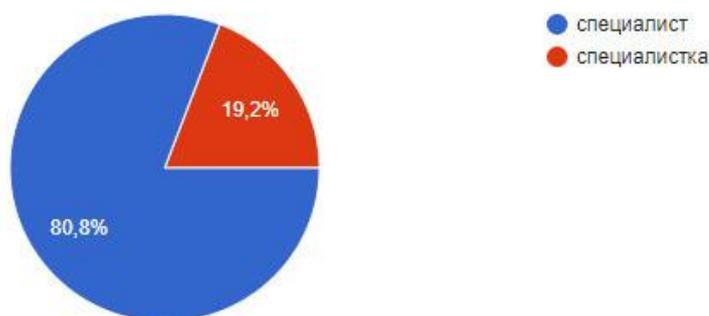

Рисунок 1. Использование феминитива *специалистка* в положительном и отрицательном контекстах

В исследовании принял участие 151 испытуемый в возрасте 18–22 лет, из них 54,3% составляли женщины (82 человека) и 45,7% мужчины (69 человек). Все участники являлись студентами Курского государственного университета 1–5 курсов дневной формы обучения. Опрос проводился анонимно.

Примечательно, что в большинстве случаев (независимо от коннотации высказывания) **участники исследования делали выбор в пользу маскулятива**. Например, около 70% испытуемых предпочли вариант «она – продавец» варианту «она – продавщица» несмотря на синтаксический контекст (наличие личного местоимения женского рода в качестве подлежащего). Следовательно, можно считать теорию языкового андроцентризма, то есть преобладания мужской формы над женской, действительной в отношении русского языка. Лексемы мужского рода

чаще используют в тех случаях, когда речь идет о лице как мужского, так и женского пола в профессии или иной социальной деятельности [Гузаерова 2019].

Единственным случаем, где прослеживалась противоположная тенденция, стала пара *заведующий – заведующая*. Около 80% испытуемых предпочли женский вариант *заведующая* как в позитивно окрашенном высказывании, так и в негативном контексте. Вероятно, причиной этого является происхождение данной пары лексем: и мужская, и женская формы представляют собой субстантивированные причастия, а прилагательные и причастия в русском языке надлежит согласовывать по роду с существительным или местоимением, которое они описывают. Неудивительно, что участники опроса сочли вариант «Маргарита Петровна – заведующая» более гармоничным, чем аналогичное предложение с маскулятивом.

При анализе ответов испытуемых в зависимости от их пола нами были получены неожиданные результаты: в рамках проведенного исследования в целом **мужчины чаще использовали феминитивы по сравнению с женщинами** как в негативно окрашенных высказываниях, так и в позитивном контексте. Несмотря на общее превалирование мужских форм в ответах (кроме пары *заведующий – заведующая*), процент употребления женских форм мужчинами был выше, и зачастую весьма ощутимо, чем в ответах женщин. Так, в паре *учитель – учительница* в позитивном контексте мужчины употребили феминитив в 46,4% случаев, а женщины – только в 20,7% (см. Рисунок 2). В негативном контексте результаты похожие: мужчины выбрали женскую форму в 42% случаев, женщины – в 19,5% ответов.

Рисунок 2. Употребление феминитива *учительница* в позитивном контексте в зависимости от пола респондентов

Также мужчины чаще, чем женщины, выбирали феминитив из пар *продавец – продавщица*, *специалист – специалистка*, *парикмахер – парикмахерша*. Только в паре *заведующий – заведующая* данные для мужских и женских ответов практически не различались (например, в положительном контексте феминитив выбрали 81,7% женщин и 79,7%

мужчин, в отрицательном – 78% женщин и 81,2% мужчин). Соответственно, проведённое нами исследование показало, что именно **женщины предпочитают употреблять в отношении женщин маскулятивы в большей мере, чем это делают мужчины.**

При изучении данных по основному интересующему нас вопросу – действительно ли носители языка чаще выбирают феминитив в негативно-окрашенных высказываниях – мы получили следующие результаты. В паре *учитель – учительница* процентное соотношение по предпочитаемым вариантам было идентично и в негативном, и в позитивном контексте: только 32,5% испытуемых выбрали женскую форму *учительница*. Рассмотрев отдельно ответы мужчин и женщин, мы также не увидели тенденции употреблять феминитив чаще в негативном контексте: напротив, среди мужчин слово *учительница* в позитивно окрашенном высказывании употребили даже больше респондентов (46,4%), тогда как в отрицательном контексте женскую форму выбрали 42% опрошенных мужчин.

Похожие результаты были получены для пары *продавец – продащица*. Только 30,5% участников предпочли женский вариант слова в позитивно окрашенном высказывании и примерно столько же опрошенных – 29,8% – выбрали феминитив в негативно окрашенном высказывании. При анализе мужских и женских ответов по отдельности также не выявлено тенденции чаще употреблять феминитив в отрицательном контексте.

В паре *заведующий – заведующая* женская форма была выбрана в 80,8% случаев в позитивном контексте и 79,5% случаев – в негативном (разница в 1,3% видится несущественной). При рассмотрении женских ответов было замечено, что респондентки немного чаще употребляли лексему *заведующая* в позитивно окрашенном высказывании (81,7% против 78% в отрицательном контексте), что, впрочем, трудно считать значительным расхождением в цифрах.

Таким образом, в отношении перечисленных лексем (*продащица, учительница, заведующая*) нами не была зафиксирована тенденция использовать их при отрицательной характеристике объекта высказывания чаще, чем в положительном контексте. Можно предположить, что данные феминитивы прочно закрепились в языковом узусе в связи с тем, что относятся к сферам, в которых на протяжении многих десятилетий были трудоустроены в основном женщины. Данные женские формы привычны и не вызывают негативных ассоциаций у носителей языка.

По лексемам *парикмахер – парикмахерша* и *специалист – специалистка* нами были получены другие результаты: в данных парах феминитив действительно несколько чаще выбирался участниками опроса для отрицательной характеристики человека. В позитивно окрашенном

высказывании только 7,9% участников выбрали феминитив *парикмахерша*, тогда как в высказывании, где героиня описывалась с негативной стороны, женскую форму выбрали уже 11,4% испытуемых. Рассмотрев отдельно ответы мужчин и женщин по данным лексемам, мы получили даже более интересные данные. Мужчины лишь несущественно чаще использовали лексему *парикмахерша* в отрицательном контексте (16% против 13% в положительно окрашенном предложении), тогда как женщины употребили феминитив в негативном ключе намного больше раз: 25,6% против всего лишь 3,7% в позитивном контексте. Соответственно, тенденцию чаще задействовать женскую форму слова в отрицательно окрашенных высказываниях в большей мере проявили сами женщины (см. Таблицу ниже).

При сравнении полученных по лексемам *парикмахер* – *парикмахерша* данных с результатами для пар *учитель* – *учительница* и *продавец* – *продащица* возникает вопрос, чем выделяется парикмахерша по сравнению с работницами сфер торговли и образования в сознании носителей языка. Лексема *парикмахерша* образована от заимствованного из немецкого языка слова и в толковых словарях имеет помету *разг.* [Словарь русского языка 1999: [http](http://); Толковый словарь 1935–1940: [http](http://) и др.]. Такая помета «сопровождает слова (или значения слов), которые употребляются в живой, непринужденной, преимущественно устной, речи и в значительной своей части представляют синонимы с различными смысловыми и эмоциональными оттенками к словам книжным, литературным» [Словарь русского языка 1999: [http](http://)]. Стоит отметить, что практически все феминитивы на *-ш(а)* в современном русском языке относятся к разговорно-просторечным: по результатам исследования Р.Р. Гузаеровой, подавляющее большинство из них маркированы в словарях как разговорные и иногда даже просторечные, при этом многие носители языка воспринимают суффикс *-ш(а)* как стилистически сниженный [Гузаерова 2019].

Таблица. Частотность выбора феминитивов «парикмахерша» и «специалистка» в положительном и отрицательном контекстах.

мужчины		женщины	
парикмахерша			
парикмахерша (хорошая) 13%	парикмахерша (плохая) 16%	парикмахерша (хорошая) 3,7%	парикмахерша (плохая) 25,6%
специалистка			
специалистка (хорошая) 13%	специалистка (плохая) 24,6%	специалистка (хорошая) 7,3%	специалистка (плохая) 14,6%

Другим примечательным фактом является то, что на протяжении многих веков парикмахерское дело во многих странах, в том числе в России, было мужским ремеслом: для создания сложных, вычурных

причёсок знати, а также для бритья и других процедур приглашали мужчину-цирюльника. К примеру, в архивах тульских периодических изданий первое упоминание женщины-парикмахера датируется 1913 годом [Гусев 2014]. В последнее время на рынке услуг также резко возросло количество парикмахеров-мужчин в связи с повышением оплаты труда, сопутствующим ростом престижа профессии, а также популяризацией так называемых барбершопов – салонов парикмахерских услуг для мужчин. Таким образом, нельзя считать парикмахерское дело традиционно женским занятием.

Лексема *специалистка* была выбрана респондентами в 9,9% случаев в позитивном контексте и ощутимо чаще – в 19,2% случаев – в негативном контексте. В данном случае тенденцию употреблять женскую форму в отрицательно окрашенном высказывании проявили как мужчины, так и женщины (см. Таблицу выше). В толковых словарях данный феминитив не имеет помет и определяется как «*жен. к сущ. специалист*» [Словарь русского языка 1999: <http>], однако примечательным является то, что в списке синонимов к этой лексеме первым идёт слово *мастачка* [Словарь синонимов 2013: <http>], которое в ряде случаев снабжается пометой *прост.* в толковых словарях. Согласно исследованию [Клеменчук 2010], многие просторечные слова обладают выраженной сниженной стилистической окраской, зачастую являются грубыми, презрительными. Изучение синонимического ряда к той или иной лексеме может дать представление о её значении, так как именно через ассоциативные ряды и ощущение схожести тех или иных единиц можно раскрыть тот фрагмент действительности, который стоит за словом в сознании человека. Отношения синонимии при этом пронизывают самые различные стороны жизни человека, в сознании индивида происходит постоянный поиск сходств и различий предметов и явлений окружающего мира [Лебедева 2008]. Вероятно, существует некоторая тенденция употреблять слово *специалистка* с иронией, намёком на недостаточную компетентность человека.

Анализ полученных в ходе пилотажного эксперимента данных позволил сделать выводы о том, что для некоторых феминитивов действительно характерно более частое употребление их в отрицательном контексте. Тем не менее, назвать феминитивы в целом предпочитаемыми единицами для негативной характеристики объекта высказывания нельзя: даже в отрицательно окрашенных предложениях носители языка склонны чаще употреблять мужские формы существительных для номинации женщин. Для тех лексем, которые обозначают типично женские профессии и занятия (*учительница, продавщица*) не зафиксировано возможных отрицательных коннотаций. В ряде случаев возможно предположить, что отрицательный оттенок значения могут иметь лексемы, относящиеся к сферам деятельности, в которых женщина конкурирует с мужчиной и

является «персоной нон грата». Данное предположение, впрочем, требует проверки в ходе дальнейшего научного исследования проблемы функционирования феминитивов в русском языке. Парадоксально, что в большей мере использовать мужские формы антрополексем для номинации женщин предпочитают сами женщины, словно «стесняясь» подчёркивать гендерную принадлежность, мужчины же применяют феминитивы более охотно как в негативных, так и в позитивных контекстах.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Гузаерова Р.Р. Блоггер или блоггерша: русские феминитивы с формантом *-ш(а)* в современном русском медиапространстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 5–6. С. 105–116.

Гусев С. Тула прошлого века: парикмахеры // *MySlo.ru*. Тульский городской портал. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://myslo.ru/city/tula/tulyaki/tula-proshlogo-veka-parikmaher> (дата обращения: 19.01.2022).

Клеменчук С.В. Помета «просторечие» в системе других помет на примере «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой // Альманах современной науки и образования. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. Тамбов: Грамота, 2010. С. 149–150.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лебедева С.В. Некоторые замечания о близости значения слов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. №1 (3). С. 43–48. [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2397/ (дата обращения: 07.12.2021).

Лебедева С.В., Денисова В.В., Дмитриева Е.В. Язык и действительность: некоторые аспекты взаимодействия // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. №1 (40). С. 151–158. [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3941/ (дата обращения: 07.12.2021).

Леонтьев А.А. Речевая деятельность / Основы теории речевой деятельности. Коллективная монография. Под ред. А.А. Леонтьева. М.: «Наука», 1974. С. 21–28.

Маланов С.В. Психолингвистика: психологическая теория речевых действий: учеб. пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2020. 330 с.

Матюнова А.А. Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект) // Вестник БГУ: научно-теоретический журнал Белорусского государственного университета Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. №3. 46–50.

Назайкин А.Н. Эффект прайминга в медиаисследованиях и рекламе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 160–169 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/6/effekt-prayminga-v-mediaissledovaniyakh-i-reklame/> (дата обращения: 11.01.2022).

Рябова М.Э. Человек как субъект усложняющихся коммуникаций // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-subekt-uslozhnyayuschih-sya-kommunikatsiy> (дата обращения: 30.11.2021).

Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. 4 изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 03.01.2022).

Словарь синонимов / Сост. Тришин В.Н. // Портал «Наука. Искусство. Величие». 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 10.01.2022).

Сицына-Кудрявцева А.Н. Вариативная нормированность лексики в культурно-речевом аспекте: история и современность: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, 10.02.01. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2012. 27 с.

Степанов С.П. Процесс образования феминитивов как сфера борьбы за равенство полов // Известия СПбГЭУ. 2020. №6 (126). С. 129–135.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х тт. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 03.01.2022).

Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования / Основы теории речевой деятельности. Коллективная монография. Под ред. А.А. Леонтьева. М.: «Наука», 1974. С. 129–134.